

ВЕДЬМА

«Ты не ведьма ли? – шептал
в омут ноченьки. –
Рысья, бесья красота,
с червоточинкой.
То ль змеёй в моих руках,
то ли призраком,
птицей дикой в облаках,
раскапризною,
то не тронешься с колен
перед папертью...
Улетаешь на метле?
Ну и скатертью!»

Мне бы взвыть да лечь костями,
мне б вымаливать:
«Приюти меня, прими –
явь ли, марево,
отогрей да пожалей –
жить под тучами
среди скитальцев-журавлей
я измучилась».
Да не клонится глава
и не молится;

хоть права, хоть не права –
за околицу,
да в закатный неуют
апельсиновый...
Что ж мне в сердце не забьют
кол осиновый?

* * *

Любимая, нальём ещё вина.
Уходит август. Светлая волна
ребячится, гарцует, веселится,
как юная шальная кобылица,
и ласково за этой кутерьмой
следит Везувий, древний и немой.

Ты слышишь?
Нынче псы так мерзко воют –
надрывно, зло. Пльвёт над мостовую
их лютый плач – и тонет в бодром гаме
весёлых улиц. Бледный, как пергамент,
идёт гуляка. Вкусно пахнет рыбой,
лепёшками, луканской колбасой.
Поёт юнец, беспечный и босой.
Стоит легионер суровой глыбой.
Кричит седой торговец. Кот бежит.
О, боги, как люблю я эту жизнь
и этот город, пёстрый и счастливый,
на склоне у лазурного залива...

Родная, до чего же хорошо:
так ветрено, так солнечно. Так жутко,
что всё пройдёт. Как зёрнышки кунжута
сметёт нас время, сметет в порошок.

Другие здесь, в тени, у колоннады
когда-нибудь...

Любимая, не надо!

Не плачь, родная, что ты?! Это сны.
Мы счастливы, здоровы, влюблены,
в начале доброй, светлой эпопеи,
нам годы жить – не дни или часы...

...О боги! Как зловеще воют псы.
Как будто к скорой гибели Помпеи.

«НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ» или «О ГЕНАХ»

Знать – судьба. Не уйти.
Губы с дрожью прошепчут: «Осанна!»
Но темнеет лицо.
И беда понесётся вразнос.
Волокут.
Кровь на белом снегу.
Крики ужаса.
Бой барабанный.
«Нам бы крови да слёз, молодцы,
нам бы крови да слёз!»

Видно, гены у нас –
от лихого, шального смутьяна.
Что-то тихо? Вставай!
Сочинить ли со скуки донос?
Кто наврал,
что у нас благодать, мол, нужна и желанна?
Нам бы крови да слёз, молодцы,
нам бы крови да слёз!

И уютно живя
возле ласковых вод океана,
в жилах чую метель,
да пургу, да ядрёный мороз.
Бунты. Раж. Топоры.
Да на рельсы опустится Анна.
«Нам бы крови да слёз, – я шепчу. –
Нам бы крови да слёз».

* * *

*На развалинах Трои лежу, недвижим,
в ожиданье последней ахейской атаки*

Ю. Левитанский

На развалинах Трои лежу в ожиданье последней атаки.
Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо. И только завыли собаки
да газетный листок на просохшем ветру прошуршал.
Может – «Таймс», может – «Правда». Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа. А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый однажды за нас подытожит,
всё запишет, поймёт – и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу. За себя. За атаку на Трою.
За потомков моих – тех, что Трою когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,
что возьмут на себя этот страшный, чудовищный грех –
и пошлют умирать – нас. И вас... Как цыплёнка – на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.
И молюсь – я не знаю кому – о конце этих бредней.
Чтоб атака однажды, действительно, стала последней.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД

Вдохнуть, прожить, запомнить – этот лес,
и нежность губ, и запах трав на склоне,
дождинку на виске, и гнев небес.
Идёт гроза с мечом наперевес –
и спрячутся две мышки в буреломе.

Там, за рекою, в храмах образа
потрескались от нестерпимой боли.
У ликов брови сдвинуты соболями
и сполохи кровавые в глазах.
Мне страшно этим летом – как зимой
в кромешной чаще, где так жутки тени
когда-то сочных, радостных растений...
В жару – мороз по коже. По прямой
ко мне рванётся хищник – мой же страх
с горячей белой пеной на губах.

Сожми меня. Ты слышишь – тишина.
Её последний выдох – на изломе.
Сожми меня. Всё ближе пелена
озлобленности. Тьмы. Идёт война.
И мы с тобой – две мышки в буреломе.

* * *

Ни вины, ни войны, ни выстрелов –
одинокчество, мир иной.
Я живу далеко на выселках,
я планету себе здесь выстрою,
окрылённую тишиной.

Ни звонков, ни оков, ни зависти.
Телефон обесточен, глух.
Только зайцы на озимь зарятся,

ТОЛЬКО СОВЫ ОТ СОЛНЦА ЗАСТЯТСЯ,
ТОЛЬКО МОЛИТСЯ ВЬЮГА ВСЛУХ.

Мир затерянный, мир заснеженный,
запорошенный белизной.

Обезвраженный.

Обезвреженный.

И почти уже
не земной.